

А.М. Баранов

ЭЛЕКТРОННЫЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА: ИЛЛЮЗИЯ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА XXI в.

Подвергается критике позиция о существовании электронных доказательств. Утверждается, что источником (носителем) доказательств (информации) в уголовном процессе всегда является человек. Следовательно, протоколы следственных действий, иные документы, вещественные доказательства будут не носителями (источниками) информации, а ее хранителями. Обосновывается позиция о том, что доказательства – информация, к которой применимы правовые требования и которая не зависит от технических способов ее сохранения и передачи.

Ключевые слова: доказательства, источники доказательств, электронные доказательства, технические средства сохранения информации.

Право, в особенности процедурное, достаточно консервативно по сравнению с другими областями отношений между людьми. И это нормально, поскольку консервативность судопроизводства всегда обуславливалась традициями и даже некоторой обрядностью, в чем иные ученые видят определенную ценность [1, с. 87].

В то же время обряды и традиции одного и того же народа по прошествии времени изменялись, а порой уходили в небытие, и возникали новые. Означает ли это, что вслед за изменениями традиций общества всегда происходило изменение в праве? Всегда ли изменения в социально-общественном строе общества влекли изменения в порядке и организации судопроизводства? Возможно ли в разных общественно-экономических формациях сохранение каких-либо судебных процедур, или же форма судопроизводства меняется до неузнаваемости? Зависит ли форма уголовного судопроизводства от научного и технического прогресса?

В зависимости от мировоззрения ответы могут быть как положительными, так и отрицательными. Зависит ли тип (форма) уголовного процесса от развития математики, физики, химии, биологии, от электроники? Скорее всего, прямой зависимости нет.

В XXI в. результаты развития электроники стали стремительно проникать во все сферы жизнедеятельности человека. Не стало исключением и уголовное судопроизводство. Термин «видео» широко используется в УПК РФ с момента его принятия. В 2011 г. законодатель в ст.ст. 240, 278.1 УПК разрешил проводить допрос свидетелей и потерпевших путем «видеоконференцсвязи», в ст. 389.12 посредством видеоконференцсвязи предоставил право участвовать в судебном заседании осужденному, находящемуся под стражей. Термин «электронный» обнаруживаем в ст.ст. 42, 81, 81-1, 82, 105-1, 313, 393, 473, 474.1 УПК, «Интернет» – в ст.ст. 8, 105.1, 161, 241, 257, 259, 474.1, и только термин «компьютер» использован однажды, в ст. 259 УПК РФ.

Можно сделать вывод, что развитие современных технологий сохранения и передачи информации нашло свое отражение в нормах права, регулирующих уголовное судопроизводство, но изменился ли в связи с этим сам уголовный процесс? Ответ скорее отрицательный. О значительном изменении уголовного судопроизводства под влиянием электронных технологий можно будет вести речь не ранее введения электронно-

го делопроизводства по уголовным делам на всех стадиях. Каково будет влияние электронного делопроизводства на изменение уголовного процесса, пока рано гадать, одно можно сказать точно: изменения будут происходить. Когда-то переход от УСТНОГО процесса на ПИСЬМЕННЫЙ породил формальное досудебное производство. Не просто породил, а за минувшее время дал истории юриспруденции его различные формы, от совсем упрощенных до невероятно громоздких и усложненных. Вполне возможно, что введение электронного делопроизводства повлечет значительное упрощение процедуры на всех стадиях и практически полный отказ от досудебного производства, по крайней мере в нашем сегодняшнем его понимании. Почему бы и нет? Ведь не зря философы утверждают о развитии общества по спирали.

Самое большое влияние электронные технологии, средства сохранения и передачи (пока используем этот термин) стали оказывать на учение о доказательствах. В теории и практике уголовного процесса уже начинает становиться нормой использование таких терминов, как «электронные доказательства» [2, с. 3586–3590], «электронное вещественное доказательство» [3, с. 149–153], «компьютерная информация как вид доказательств» [4], «электронная информация» [5, с. 38–39; 6], «цифровая информация» [7, с. 24–34; 8, с. 108–110; 9, с. 77–81], «цифровые доказательства» [10, с. 130–134; 11, с. 23–25; 12, с. 199–203], «электронный носитель информации» [13, с. 44–45; 14, с. 254–260; 15, с. 3–8; 16, с. 17–19] и, наконец, «электронное уголовно-процессуальное доказывание» [17, с. 588].

Означает ли это, что использование законодателем термина «электронный носитель информации» в ст.ст. 81, 81-1, 82 УПК РФ породило новый вид доказательств или внесло существенные коррективы в существующее в ч. 1 ст. 74 УПК понятие доказательств? Проследим научную мысль в этом вопросе. Так, профессор А.С. Александров в предложенной им «Доктринальной модели уголовно-процессуального доказательственного права» в ч. 3 ст. 2.14 говорит об «...использовании в доказывании электронной информации...» [5, с. 38–39]. По прошествии трех лет его позиция становится более категоричной и противоречивой. С одной стороны, он считает очевидным, что «...предметом доказывания» (по смыслу ст. 73 УПК

РФ) станут «обстоятельства» цифровой реальности... колеблется важнейший постулат: судья способен сам исследовать и оценить предмет доказывания, не говоря уже о том, чтобы собрать о нем «доказательства» – цифровую информацию...» [7, с. 29], а с другой стороны, утверждает: «...правовая система – не явление природы, а результат творения человека. Внутри нее действует аргументация, опирающаяся на свои внутренние основания, искусственные конструкции в виде утверждений, принимаемые законом за истинные. Нельзя отождествлять юридическое познание с естествознанием. Гуманитарная наука и естественная принципиально разные познавательные устройства». То, что судья действует в рамках гуманитарного знания при установлении предмета доказывания, не вызывает сомнений. Видимо, сомнение возникает в способности суда познать сведения (информацию), получаемые из естественных наук. Что в этом вопросе изменилось для суда в XXI в.?

Давайте обратимся к любой судебной экспертизе, когда исследование касается сферы естественных знаний (автотехническая, дактилоскопическая, экспертиза холодного оружия и др.). Предмет исследования при производстве данных видов экспертизы не изменился. Современные эксперты при производстве экспертизы не используют фотографии, отпечатанные на «фотобумаге» (аналоговые, «мокрый процесс»), заключение уже не печатается на печатной машинке, а набирается в компьютере. При производстве судебно-биологической экспертизы для определения основных биохимических параметров крови используют, как правило, спектрофотометрические методы исследования. Для этого применяют анализаторы трех типов: автоматические, полуавтоматические спектрофотометры (одноканальные и многоканальные). Почти все автоматизированные анализаторы оснащены специальной компьютерной программой. Приборы данного класса управляются через отдельный стационарный компьютер или внутренний процессор [18]. Почему при ознакомлении с заключением эксперта ни у кого не возникает проблемы, какую информацию получили: «биологическую», «химическую», «цифровую / электронную»? Наверное, потому, что в сознании в первую очередь возникает образ заключения эксперта как источника доказательств, а не технология исследования и способ сохранения информации экспертом по результатам исследования.

Означает ли, что использование электронных измерительных приборов и средств множительной техники вместо механических повлекло изменение природы полученных сведений, что информация, полученная экспертом и от эксперта, стала цифровой, а заключение эксперта стало электронным доказательством? Если да, то означает ли это, что следователь, использующий при осмотре места происшествия различные измерительные средства – рулетку, металлический, деревянный метр, старый и всем хорошо известный двухметровый деревянный циркуль (его называют «ковылек»), либо измеряя расстояние шагами, получает «деревянную», «металлическую» информацию? При использовании оптических или электронных дальномеров (светодаль-

номеры и радиодальномеры) соответственно получает оптическую или электронную информацию? Конечно же, нет. Тогда в чем причина распространения в теории уголовного процесса и в законе термина «цифровая / электронная информация / доказательства»? Почему этот термин не появился четверть века тому назад, когда стали появляться первые персональные компьютеры и широко использоваться в образовании, производстве и быту? Видимо, так устроено сознание человека, что ему необходимо время, чтобы новые предметы, технологии, отношения приобрели привычные для сознания образы. Уголовное судопроизводство, мы это отмечали ранее, – одна из самых консервативных сфер отношений, в ней новые понятия появляются гораздо позже, тогда, когда они уже становятся привычными в повседневном употреблении. И даже при таком порядке вещей заимствование понятий из технических сфер отношений не всегда лучшим образом происходит в праве, наверное, по той причине, что юристы в большинстве своем не «физики», а «физики» далеки от юриспруденции.

Вот, например, взгляд на рассматриваемый нами вопрос С.В. Калитина, кандидата технических наук, доцента кафедры информационных систем и технологий Хабаровской государственной академии экономики и права. Приведем фрагменты из его публикации. Он предлагает классификацию видов доказательств по форме представления. «Устные; письменные: рукописные; печатные; информационные сигналы (аналоговые, цифровые); вещественные: электронные, электрические, химические, биологические, механические, прочие.

Доказательства, называемые в нынешней юридической терминологии ЭЛЕКТРОННЫМИ, после получения и приобщения к уголовному делу стремятся отнести к вещественным. Для упрощения их исследования и последующего использования в судопроизводстве их основные и существенные черты и свойства обобщают и переводят в письменные документы, напечатанные на бумаге...

Доказательства, если имеются в виду файлы, воспроизводимые с помощью электронных средств или приборов, лишь воспроизводятся с их помощью. Например, электронный микроскоп позволяет рассмотреть мелкие объекты или биологические клетки, невидимые невооруженным глазом. При этом зафиксированное состояние клеток не называют ЭЛЕКТРОННЫМ, потому что оно не зависит от электроники (электронной техники), которая зафиксировала пучок электронов, прошедший через образец. Аналогично, если используется микроскоп со стеклянными линзами, то полученное изображение образца наблюдений не называют «стеклянным»... Доказательства, ныне называемые в судебной практике ЭЛЕКТРОННЫМИ, фактически делятся на 2 группы: аналоговые и цифровые... аналоговые и цифровые информационные сигналы являются разными по своей природе и по использованию, что должно быть отражено в устной и письменной юридической терминологии и в способах использования этих доказательств» [2, с. 3586–3590].

Как говорится, ни отнять, ни прибавить. В существующих ныне в теории уголовного процесса класси-

фикации доказательств основания для деления имеют юридическую природу, поскольку в этом есть как теоретический, так и практический смысл. Для чего нужна предлагаемая классификация, в основе которой лежат технические требования, мне трудно понять.

Если уважаемый читатель думает, что аномальное воздействие «электронного / цифрового мира» странным образом сказывается на рассуждениях только представителей «естественных наук», то он заблуждается. Представления юристов об исключительности «электронных доказательств» еще более оригинальны.

Отдельные сторонники «электронных доказательств» ставят под сомнение правила об оценке доказательств. В.Н. Чернышев и Е.С. Лоскутова считают: «...цифровые доказательства в определенных случаях являются единственными доказательствами виновности лица в совершении преступления. Следовательно, значение цифровых доказательств в уголовном судопроизводстве становится очевидным... к цифровым доказательствам должны предъявляться более строгие требования, поскольку для оценки их требуются специальные устройства, а также и лица, которые обладают познаниями в узкой сфере науки» [12, с. 202]. Действительно, новое слово в юридической науке и теории доказательств обнаруживаем в тезисе «...для оценки их (электронных доказательств) требуются специальные устройства...» и лица, «...обладающие специальными познаниями в узкой сфере науки». То есть субъектами оценки доказательств уже не являются следователь, дознаватель, прокурор, суд (судья), а ими будут «лица, обладающие познаниями в узкой сфере науки». Так и хочется спросить авторов, какие устройства требуются для оценки показаний обвиняемого, заключения эксперта и других видов доказательств, указанных в ч. 2 ст. 74 УПК?

Видимо, предложенные критерии оценки для «электронных доказательств» должны быть применимы и к результатам судебно-медицинской экспертизы крови. «Специальные устройства» для исследования – требуются. «Лица, обладающие познаниями в узкой сфере» – и этот критерий присутствует. Может быть, такое восприятие применимо только к сведениям, получаемым с использованием знаний естественных наук, а с гуманитарными знаниями дело обстоит иначе?

Информация, переданная сигналами азбуки Морзе, телеграфа или семафорной азбуки тоже потребует специальных правил ее восприятия и оценки для признания в качестве доказательств? Видимо, нет, поскольку цивилизация прошла уже этот этап, но ни в учебниках по уголовному процессу, ни в работах по теории доказательств конца XIX – начала XX в. мы не встретим исследований данной проблемы.

Мы каждый день слушаем музыку, а ведь звук – это тоже информация. Сколько история уголовного процесса знает случаев, когда событие и виновность лица устанавливались посредством определения времени через звучащую мелодию по радио (телевидению)! Наверное, большинство из нас сможет отличить, распознать ту или иную мелодию и даже попытаться ее воспроизвести, более или менее успешно, но узнаваемо. Нужны для этого специальные приборы? Специалисты в «узкой» области знаний, для того чтобы оценить по-

лученную информацию в качестве доказательства? А теперь представим ситуацию, что жертва преступления перед смертью записала мелодию, звучащую в момент убийства. Но записала не на смартфон, как поспешно подумал читатель, а в виде нот¹. Представили? Ну как? Кто из нас сможет воспроизвести мелодию по нотам? Что-то я не припомню, были ли предложения о введении понятия «музыкальные доказательства», наверное, полная глупость по сути, но звучит гораздо красивее, чем «электронные доказательства».

Попытка наполнить юридическое значение «информации», «сведений», доказательств в уголовном процессе техническим содержанием приводит отдельных авторов в их рассуждениях к видению в «электронной информации» какого-то сакрального значения, таинства, доступного «жрецам» «электронного мира». Вот одно из таких утверждений. «Сама информация не может быть передана, принята или хранима в чистом виде: ее носителем является сообщение, которое представляет собой кодированный эквивалент события, зафиксированный источником информации и выраженный в форме условных физических символов...» [9, с. 78]. Неправда ли, высказанная мысль звучит очень научно и малопонятно. Попробуем перевести на общедоступный язык. Идея (мысль, информация) автора настоящей статьи по вопросу об «электронных доказательствах» не может быть «...передана, принята или хранима в чистом виде: ее носителем является сообщение» (выступление на конференции, собственно эта статья в журнале) «...выраженная в форме условных физических символов» (при устном выступлении – звуков, при чтении статьи в журнале – букв и знаков препинания). Интересно, у кого из читателей, владеющих русским языком и более или менее знакомых с уголовным процессом, текст настоящей публикации вызвал непонимание, а изложенная информация не была понята и воспринята? Вполне возможно, что многие будут не согласны с высказанной идеей и аргументами, но как раз это обстоятельство и будет свидетельством того, что информация воспринята.

Информация материальна, поскольку неразрывно связана с человеком, предметом, документом, в силу чего исследуется непосредственно, воспринимается познающим чувственно (видится, слышится и т.д.) [19, с. 44].

Неужели новый технический способ сохранения и передачи информации не оказал вообще никакого влияния на теорию доказательств в уголовном судопроизводстве? Конечно же, оказал и оказывает, просто в настоящий момент это воздействие не сразу заметно,

¹ Современная музыкальная нотация восходит к трудам Гвидо д'Ареццо первой половины XI в., который начал записывать ноты на четырехлинейном нотном стане. Впоследствии система дорабатывалась (добавилась пятая линейка, изменился внешний вид нот и ключи и т.д.), и в современном виде она существует с XVII в. Около 1700 г. немецкий ученый и музыкант Андреас Веркмейстер предложил логарифмически равномерную двенадцатитоновую музыкальную шкалу и изготовил фортепиано, настроенное в соответствии с ней. Названия шести нот ввел Гвидо д'Ареццо (нота «до» у него называлась ут). В дальнейшем для удобства проговаривания при пении нота ут была заменена на до (Джованни Дони, около 1640 г.) и добавлена нота си (сокращение от «Sancte Ioannes»; X. Вальрант, около 1574 г.). URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Нота> (дата обращения: 13.03.2019).

но порой оно очень существенно для всей теории доказательств. Вот одно из последствий такого влияния.

В известной всем процессуалистам работе по теории доказательств, авторы утверждают, что «...в мышлении человека существуют... не вещи, не предметы, а их образы, понятия, сведения о них» [20, с. 207]. Об этом же утверждают и профессора А.А. Давлетов и А.С. Александров, наверное, и многие другие, и это правильно.

При внимательном прочтении далее обнаруживаем противоречие, которое при уровне технического развития общества и мировоззрения авторов в то время и не было противоречием.

Прочитируем фрагменты работы. «Доказательство всегда имеет объективное содержание (отраженный факт объективной реальности) и субъективную форму (отражение в сознании субъекта)... определяющими в этом единстве являются фактические данные (содержание), представляющие собой информацию об обстоятельствах дела. Эта информация хранится в памяти будущих свидетелей, потерпевших, обвиняемых и т.д.» [Там же, с. 211]. «Для обозначения лица, сообщającego сведения о фактах будем употреблять термины “источник доказательств” и “носитель доказательств”. Источником доказательств в виде показаний будут лица, их давшие. Носителями (источниками) вещественного доказательства будут следователь, понятые, лица, представившие предмет» [Там же, с. 213].

Таким образом, источником (носителем) доказательств (информации) в уголовном процессе всегда является человек. Доказательства-информация существует только в сознании человека, нет человека – нет информации. Следовательно, протоколы следственных действий, заключение эксперта (в виде документа), протокол судебного заседания, иные документы, вещественные доказательства будут не носителями (источниками) информации, а ХРАНИТЕЛЯМИ информации. В таком случае электронная среда (Интернет), электронные средства сохранения и передачи информации будут не вещественными доказательствами и не электронными доказательствами, а хранителями информации. А источником будет лицо, которое эту информацию сохранило на электронном приборе (гаджете) или ее получило из электронной среды или электронного

прибора. В ходе вышеизложенных рассуждений приходим к выводу, что привычное нам равенство в понятии «источники доказательств» = «виды доказательств» теперь следует считать ошибочным. Перечень юридических категорий, указанный в ч. 2 ст. 74 УПК РФ, следует называть видами доказательств, но ни в коем случае не источниками. Возникла такая мысль у автора этих строк до начала работы над настоящей публикацией? Нет!

И еще один вывод, который возник в результате работы над идеей «электронных доказательств». Большинство авторов в юридических науках используют термины «сохранение» и «передача» информации в их техническом содержании, что в корне не верно. Дело в том, что для представителей технических отраслей знания сохранение и передача информации носят именно технический характер, т.е. сохранение знака (символа) на материальном носителе или же его передача путем сигнала. В техническом плане информация считается переданной в момент ее отправки адресату. Право же – социальная наука. В социальных науках передача информации возможна от источника к источнику, от человека к человеку. И передача информации происходит не в момент механического получения сигнала, а в момент, когда человек понял (расшифровал) содержание сигнала. Наскальная письменность разных народов (например, майя) – ярчайший пример. В механическом плане информация была передана в момент выбивания текста на камне, а в социальном – только когда была расшифрована (переведена) на язык того, кто расшифровал древний текст. Не правда ли, это очень похоже на то, что делает переводчик в современном уголовном процессе, но мы ведь не называем эту информацию «лингвистическим доказательством».

Каков же путь решения проблемы? Как ни покажется парадоксальным, но он не в отказе от использования современных технологий, а наоборот, в скорейшем и полном переходе на электронное ДЕЛОПРОИЗВОДСТВО. И правы те авторы, которые утверждают, что формирование уголовного дела в электронном виде упростит и ускорит уголовное судопроизводство [21, с. 95–101; 23]. Почему есть такая уверенность? Все просто. Мы ведь не говорим сегодня «бумажное уголовное дело» или «бумажное доказательство».

ЛИТЕРАТУРА

1. Поляков М.П. О ценности обрядовой стороны уголовного судопроизводства // Государство и право. 1999. № 7. С. 87–92.
2. Калитин С.В. Доказательства электронные и цифровые // Концепт : научно-методический электронный журнал. 2014. Т. 20. С. 3586–3590. URL: <http://e-koncept.ru/2014/54981.htm> (дата обращения: 13.03.2019).
3. Пастухов П.С. Электронное вещественное доказательство в уголовном судопроизводстве // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 396. С. 149–153.
4. Зигура Н.А. Компьютерная информация как вид доказательств в уголовном процессе России : дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2010. 234 с.
5. Александров А.С. Доктринальная модель уголовно-процессуального права Российской Федерации и комментарии к ней. М. : Юрлитинформ, 2015. 299 с.
6. Овсянников Д.В. Копирование электронной информации как средство уголовно-процессуального доказывания : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2015. 21 с.
7. Александров А.С. Русский уголовно-процессуальный догматизм или цифровой мир: что победит? // Юридическая истина в уголовном праве и процессе : сб. статей по материалам Всерос. науч.-практ. конф. 16–17 марта 2018 г. / под общ. ред. К.Б. Калиновского, Л.А. Зашляпина. СПб. : Петрополис, 2018. С. 24–34.
8. Мецзяков В.А., Трухачев В.В. Формирование доказательств на основе электронной цифровой информации // Вестник Воронежского института МВД России. 2012. № 2. С. 108–110.

9. Зазулин А.И. О доказательственном значении цифровой информации в уголовном процессе // Мир юридической науки. 2016. № 11. С. 77–81.
10. Иванов Н.А. Цифровые доказательства: понятие и классификация // Криминалистика в системе правоприменения : материалы науч.-практ. конф. М., 2008. С. 130–134.
11. Карташов И.И. «Цифровые доказательства» в уголовном процессе // Центральный научный вестник. 2016. Т. 1, № 15. С. 23–25.
12. Чернышов В.Н., Лоскутова Е.С. Проблемы собирания и использования цифровых доказательств // Социально-экономические явления и процессы. 2017. Т. 12, № 5. С. 199–203.
13. Федюкина А.Ю. Электронный носитель информации как доказательство по уголовным делам // Отечественная юриспруденция. 2016. № 12 (14). С. 44–45.
14. Краснова Л.Б. Электронные носители информации как вещественные доказательства // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2013. № 4-2. С. 254–260.
15. Васюков В.Ф., Булыжкин А.В. Изъятие электронных носителей информации при расследовании преступлений: нерешенные проблемы правового регулирования и правоприменения // Российский следователь. 2016. № 6. С. 3–8.
16. Козловский П.В., Седелников П.В. Участие специалиста в изъятии электронных носителей // Научный вестник Омской академии МВД России. 2014. № 1 (52). С. 17–19.
17. Зуев С.В., Никитин Е.В. Информационные технологии в решении уголовно-процессуальных проблем // Всероссийский криминологический журнал. 2017. Т. 11, № 3. С. 587–595.
18. Биохимический анализатор: виды, возможности и особенности выбора. URL: <http://www.dixon.ru/news/useful/biokhimicheskiy-analizator-vidy-vozmozhnosti-i-osobennosti-vybora/> (дата обращения: 17.02.2019).
19. Давлетов А.А. Основы уголовно-процессуального познания. Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1991. 152 с.
20. Теория доказательств в советском уголовном процессе / под ред. Н.В. Жогина. М. : Юрид. лит., 1973. 736 с.
21. Качалова О.В., Цветков Ю.А. Электронное уголовное дело – инструмент модернизации уголовного судопроизводства // Российское правосудие. 2015. № 2. С. 95–101.
22. Зуев С.В. Цифровая среда уголовного судопроизводства: проблемы и перспективы. URL: <http://www.iuaj.net/node/2614> (дата обращения: 17.02.2019).

Electronic Evidence: Illusion of the Criminal Process of the 21st Century

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2019, 13, 64–69. DOI: 10.17223/23088451/13/12

Aleksandr M. Baranov, Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Omsk, Russian Federation).

E-mail: baranowam@list.ru.

Keywords: evidence, sources of evidence, electronic evidence, technical means of preserving information.

The article analyzes the concept of “electronic evidence”. The author argues that the types of evidence do not depend on the technical method of their fixation, preservation and transmission. Evidence is first and foremost information that exists in the mind of people. If there are no people, there is no information. However, the term “electronic methods and means of storing information” can be used, while the erroneous term “electronic / digital evidence” should not be used in criminal proceedings. It is necessary to change the consciousness of the law enforcer, which requires a transition to electronic records management in criminal cases.

References

1. Polyakov, M.P. (1999) O tsennosti obryadovoy storony ugolovnogo sudoproizvodstva [On the value of the ritual side of criminal proceedings]. *Gosudarstvo i pravo – State and Law*. 7. pp. 87–92.
2. Kalitin, S.V. (2014) Dokazatel'stva elektronnye i tsifrovye [Electronic and digital evidence]. *Kontsept*. 20. pp. 3586–3590. [Online] Available from: <http://e-koncept.ru/2014/54981.htm>. (Accessed: 13.03.2019).
3. Pastukhov, P.S. (2015) Electronic evidence in criminal proceedings. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 396. pp. 149–153. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/396/27
4. Zigura, N.A. (2010) *Komp'yuternaya informatsiya kak vid dokazatel'stv v ugolovnom protsesse Rossii* [Computer information as a type of evidence in the criminal process in Russia]. Law Cand. Diss. Chelyabinsk.
5. Aleksandrov, A.S. (2015) *Doktrinal'naya model' ugolovno-protsessual'nogo dokazatel'stvennogo prava Rossiyskoy Federatsii i kommentarii k nej* [Doctrinal model of criminal procedural law of evidence of the Russian Federation and comments to it]. Moscow: YurLitinform.
6. Ovsyannikov, D.V. (2015) *Kopirovanie elektronnoy informatsii kak sredstvo ugolovno-protsessual'nogo dokazyvaniya* [Copying electronic information as a means of criminal procedural evidence]. Abstract of Law Cand. Diss. Ekaterinburg.
7. Aleksandrov, A.S. (2018) Russkiy ugolovno-protsessual'nyy dogmatizm ili tsifrovoy mir: chto pobedit? [Russian criminal procedural dogmatism or the digital world: what will win?]. In: Kalinovskiy, K.B. & Zashlyapin, L.A. (eds) *Yuridicheskaya istina v ugolovnom prave i protsesse* [Legal truth in criminal law and process]. St. Petersburg: Petropolis. pp. 24–34.
8. Meshcheryakov, V.A. & Trukhachev, V.V. (2012) Formirovanie dokazatel'stv na osnove elektronnoy tsifrovoy informatsii [Formation of evidence based on electronic digital information]. *Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii*. 2. pp. 108–110.
9. Zazulin, A.I. (2016) About Evidentiary Value of Digital Information in Criminal Procedure. *Mir yuridicheskoy nauki*. 11. pp. 77–81. (In Russian).
10. Ivanov, N.A. (2008) Tsifrovye dokazatel'stva: ponyatie i klassifikatsiya [Digital evidence: the concept and classification]. In: Koldin, V.Ya. (ed.) *Kriminalistika v sisteme pravoprimeneniya* [Forensic science in the law enforcement system]. Moscow. pp. 130–134.
11. Kartashov, I.I. (2016) Tsifrovye dokazatel'stva v ugolovnom protsesse [Digital evidence in criminal proceedings]. *Tsentral'nyy nauchnyy vestnik*. 1(15). pp. 23–25.
12. Chernyshov, V.N. & Loskutova, E.S. (2017) Problems of collecting and use of digital proofs. *Sotsial'no-ekonomicheskie yavleniya i protsessy – Social and Economic Phenomena and Processes*. 12(5). pp. 199–203. (In Russian).

13. Fedyukina, A.Yu. (2016) Elektronnyy nositel' informatsii kak dokazatel'stvo po ugovnym delam [Electronic information carrier as evidence in criminal cases]. *Otechestvennaya yurisprudentsiya*. 12(14). pp. 44–45.
14. Krasnova, L.B. (2013) Electronic storage media as evidence. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki – News of Tula State University. Economic and Legal Sciences*. 4(2). pp. 254–260. (In Russian).
15. Vasyukov, V.F. & Bulzhkin, A.V. (2016) Seizure of electronic data media in the course of crime investigation: unresolved problems of legal regulation and law enforcement. *Rossiyskiy sledovatel' – Russian Investigator*. 6. pp. 3–8. (In Russian).
16. Kozlovskiy, P.V. & Sedelnikov, P.V. (2014) Uchastie spetsialista v iz'yatii elektronnykh nositeley [Participation of a specialist in the seizure of electronic media]. *Nauchnyy vestnik Omskoy akademii MVD Rossii*. 1(52). pp. 17–19.
17. Zuev, S.V. & Nikitin, E.V. (2017) Information technologies in solving criminal procedure problems. *Vserossiyskiy kriminologicheskii zhurnal – Russian Journal of Criminology*. 11(3). pp. 587–595. (In Russian). DOI: 10.17150/2500-4255.2017.11(3).587-595
18. Dixon.ru. (n.d.) *Biokhimicheskiy analizator: vidy, vozmozhnosti i osobennosti vybora* [Biochemical analyzer: types, possibilities and features of choice]. [Online] Available from: <http://www.dixon.ru/news/useful/biokhimicheskiy-analizator-vidy-vozmozhnosti-i-osobennosti-vybora/>. (Accessed: 17.02.2019).
19. Davletov, A.A. (1991) *Osnovy ugovno-protsessual'nogo poznaniya* [Basics of criminal procedural knowledge]. Sverdlovsk: Ural State University.
20. Zhogin, N.V. (1973) *Teoriya dokazatel'stv v sovetskom ugovnom protsesse* [Theory of evidence in the Soviet criminal process]. Moscow: Yuridicheskaya literatura.
21. Kachalova, O.V. & Tsvetkov, Yu.A. (2015) Electronic Criminal Case as a Tool for Development of Criminal Proceedings. *Rossiyskoe pravosudie – Russian Justice*. 2. pp. 95–101. (In Russian).
22. Zuev, S.V. (2019) *Tsifrovaya sreda ugovnogo sudoproizvodstva: problemy i perspektivy* [Digital environment of criminal justice: problems and prospects]. [Online] Available from: <http://www.iauj.net/node/2614>. (Accessed: 17.02.2019).